

Отечественная история

УДК 94(571)

DOI 10.37386/2413-4481-2020-4-63-69

Н.Н. Аблажей

Институт истории СО РАН, г. Новосибирск, Россия

УНИФИКАЦИЯ УЧЕТА СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ В СИБИРИ В КОНЦЕ 1940-х гг.

Статья посвящена проблеме стандартизации учетного делопроизводства на депортированных в конце 1940-х гг. Анализируются итоги Всесоюзной переписи ссыльных 1949 г., приведшей к пополнению спецкартотек, формализации оформления учетных дел ссыльных и систематизации спецкомендатур. Делается вывод, что учетно-статистические мероприятия привели к унификации ссылки как режимной системы.

Ключевые слова: ссылка, спецучет, перепись населения, режим спецпоселения, Сибирь.

N.N. Ablazhey

Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

UNIFICATION OF REGISTRATION OF THE SPECIAL DEPORTEES IN SIBERIA IN THE LATE 1940s

The article is devoted to the standardisation of registration of deportees in the late 1940s. The author analyses the results of the 1949 All-Union Census of Exiles, which led to the replenishment of special files, formalisation of registration of the records on exiles and systematisation of special commandant's offices. It is concluded that registration and statistical measures have led to the unification of exile as a regime system.

Key words: exile, special registration, population census, special settlement regime, Siberia.

Через советскую ссыльную систему прошло более 6 млн чел., таким образом, ее масштабы в шесть раз превзошли размеры дореволюционной ссылки. Сибирь, имевшая в царские времена имидж края каторги и ссылки, вновь стала таковой в советское время. Если к концу 1920-х гг. емкость сибирской ссылки была менее 16 тыс. чел., то уже в начале 1930-х гг. Сибирь приняла около 450 тыс. ссыльных крестьян. В первой половине 1930-х гг. в Сибири оказалась сосредоточена треть всех ссыльных, а в 1940-е гг. эта доля возросла до половины. Накануне войны в регион принудительно отправили более 130 тысяч жителей Польши, Прибалтики, западных областей Украины и Белоруссии. В годы войны рост произошел за счет депортаций более 400 тысяч немцев Поволжья и 90 тысяч калмыков. Послевоенные выселения из Украины, Белоруссии, Молдавии, республик Прибалтики и Кавказа добавили еще 200 тысяч, в результате чего к концу 1940-х гг. в Сибири находилось уже более 800 тыс. депортированных. Всего за 1929–1953 гг. через сибирскую ссылку прошло 2,3–2,5 млн чел.

Первоначально перемещаемое население концентрировалось преимущественно в отдаленных

и/или северных районах, но постепенно спецпоселения распространялись и на другие территории; на рубеже 1940–1950-х гг. они были во всех регионах и автономиях Сибири. В масштабах страны в целом во второй половине 1930-х гг. режимный статус имели 1,7 тысяч трудпоселков (спецпоселков), спустя десятилетие их число выросло в десять раз.

Из вспомогательного элемента пенитенциарной системы ссылка быстро превратилась в одно из основных направлений репрессивной политики, а система спецпоселений – в составную часть ГУЛАГа. С самого начала ссылка находилась под жестким контролем ГПУ–ОГПУ, а весной 1931 г. функции расселения депортированных и организации режима в спецпоселках, прежде находившиеся в ведении властей принимающих регионов, окончательно перешли к ОГПУ. В 1933 г. спецпоселения были трансформированы в трудпоселения с особым режимом содержания под управлением ОГПУ–НКВД. В апреле 1944 г. Отдел труд-спецпоселений НКВД был трансформирован в самостоятельный Отдел спецпоселений ГУЛАГ НКВД СССР, а в середине 1950 г. стал самостоятельным 9-м управлением МГБ СССР.

В апреле 1953 г., ввиду объединения министерств госбезопасности и внутренних дел, данное Управление преобразовали в отдел «П/(поселений)» при МВД СССР. Реорганизация ведомств не повлияла на распределение сфер ответственности при реализации депортационной политики: на органы госбезопасности по-прежнему возлагалось проведение выселения, а на органы внутренних дел – конвоирование, учет и поддержание спецрежима в местах расселения. В 1950 г., после перевода системы спецпоселений из МВД в ведение МГБ, роль органов безопасности в организации режима существенно возросла. Ослабление режима началось лишь со второй половины 1953 г., но демонтаж системы спецпоселений не был таким стремительным, как лагерной, «островки» и «осколки» этой части ГУЛАГа продолжали существовать вплоть до середины 1960-х гг.

Управление ссылкой строилось по вертикали. Союзному Отделу спецпоселений подчинялись соответствующие отделы, входившие в состав региональных управлений НКВД/УНКВД, которые, в свою очередь, контролировали периферию. Низовым звеном системы были дислоцировавшиеся в местах массового размещения депортированных спецкомендатуры, под административным управлением которых находилось от одного до нескольких спецпоселков и поселений. Административный надзор здесь осуществляли коменданты, в функции которых входили регулирование режима пребывания и перемещения, пресечение побегов и беспорядков в спецпоселках, контроль за хозяйственным и трудовым устройством высланных. С начала 1944 г. районные и поселковые комендатуры получили статус подразделений НКВД, осуществляющих административный надзор и оперативно-чекистское «обслуживание» ссыльных всех категорий.

Институт политической ссылки в СССР прошел значительную эволюцию и только к середине 1940-х гг. сложился в единую режимную систему. Технология каждой массовой депортации включала несколько стадий: организационную подготовку, проведение спецоперации, этапирование, размещение в местах вселения и дальнейшее использование спецконтингента «в интересах народного хозяйства». Если первоначально имелись различия в статусе и регламенте содержания разных категорий ссыльных, то постепенно эти различия были нивелированы. Унифицировалось и управление ссылкой: если в начале 1930-х гг. каждая массовая депортация предполагала наличие значительного количества особых инструкций об организации учета и надзора, к концу 1940-х гг.

процедура выселения и обеспечения режима надзора в местах вселения достигла максимальной формализации. Несмотря на то, что состав спецконтингентов становился все более разнообразным, конфигурация репрессивного режима унифицировалась.

Контроль за насильственно перемещенным населением был возможен только при его максимально полном учете. Система учета ссыльных постоянно расширялась и усложнялась, на что однозначно указывают и нормативная документация, и статистика НКВД/МВД. На проблематику учета ссыльных так или иначе выходят все исследователи, которые занимаются историей спецпоселений. В СССР существовала разветвленная система спецучетов, но их значение не вполне оценено в контексте изучения репрессий. При изучении численности ссыльных и режима спецпоселения в поле дискуссии выносятся две проблемы: первая – достоверность ведомственной статистики и вторая – правовой статус.

В отечественной историографии сложилось и эффективно развивается целое направление, ориентированное на изучение спецссылки в СССР, при этом исследователи оказались в парадоксальной ситуации в связи с источниками. С одной стороны, уже в начале 1990-х гг. был введен в научный оборот, в первую очередь благодаря В.Н. Земскову, Н.Ф. Бугаю и П.М. Поляну, значительный комплекс документации Отдела спецпоселений, хранящийся в Государственном архиве РФ, и до сих пор именно на этом документальном массиве реализуется большинство исследований. С другой стороны, региональное делопроизводство отделов спецпоселений МВД–УМВД по-прежнему доступно крайне фрагментарно. Это ограничивает возможности анализа как ведомственной статистики, так и специфики реализации депортационной политики. Достаточно заметить, что историки до сих пор лишены возможности в полном объеме ознакомиться с приказами и инструкциями Отдела спецпоселений по основной деятельности, что не позволяет максимально полно реконструировать эволюцию института ссылки. Информация нормативного характера пополняется сегодня только за счет архивов ряда государств, входивших ранее в состав СССР, где полностью рассекречены архивы НКВД. Несмотря на обилие ведомственной статистики по насильственно перемещенному населению, проблема статистического учета ссыльных остается актуальной. Наиболее емко сюжеты трансформации учетов ссыльных отражены в серии публикаций Н.М. Игнатовой [1, 2]. Ей удалось частично

вести в научный оборот материалы Всесоюзного переучета ссыльных 1949 г., который она справедливо характеризует как перепись. Материалы этой «секретной» переписи до сих пор мало изучены, их значение недооценивается.

Следует различать собственно учет (регистрацию) высланных и статистику, характеризующую естественное и механическое движение этой части населения, а также профильную статистику (например, производственную). В начале 1930-х гг. регистрация ссыльных велась районными комендатурами НКВД, исполкомами и ЗАГСами, но довольно скоро она целиком перешла к НКВД. Регистрация позволяла выстроить систему контроля: учет был персональным и оперативным, в основу персонального учета был положен индивидуальный и посемейный картотечный учет. Объемы оперативной информации о движении ссыльного населения постоянно расширялись: за счет увеличения персональных данных о прибытии/убытии из региона, об осужденных, бежавших, освобожденных, умерших, родившихся и переданных в детдома. Именно благодаря введению карточного учета появились спецкартотеки, объем информации в которых расширялся за счет увеличения типов карточного учета спецконтингента. Картотеки персонального и посемейного учета спец- и трудпоселенцев хранились в Отделе Трудспецпоселений ГУЛАГ НКВД и его отделах, в 1941 г. они были переданы первым отделам НКВД/УНКВД, а в 1944 г. – в Отделы спецпоселений НКВД/УНКВД.

В отношении трудпоселенцев вплоть до середины 1940-х гг. доминировал посемейный учет. С 1940 г. для некоторых категорий, высланных накануне войны, ввели персональный учет, продолжавший действовать и в годы войны. Тогда же стали отдельно учитывать детей до 16 лет, но карточный учет стал для них обязательным только с 1949 г. Региональные отделы труд- и спецпоселений УНКВД вели картотеку посемейного учета, районные комендатуры осуществляли учет на основе карточек посемейного учета и личных дел трудпоселенцев, поселковые комендатуры вели книги посемейного учета. Учетные картотеки подлежали постоянному архивному хранению.

Новый виток унификации и стандартизации учетного делопроизводства на депортированных ссыльных относится к 1948–1949 гг. В конце 1948 г. МГБ СССР разработало подробные инструкции по порядку оформления учетных дел на выселение [3, с. 690–692]. Этот вид учетных документов в массовом порядке вводился впервые, и комплектация его строго регламентировалась. Дела формировались непосредственно в регионах, откуда

проводилось выселение. На главу высылаемой семьи готовили целый пакет документов: справку-меморандум (подготовительный документ к осуществлению выселения); «мотивированное» заключение, «обосновывающее» необходимость выселения и характеризующее «политический облик» высылаемой семьи; справку с указанием адреса фактического проживания, состава семьи и места работы. Учетные дела дорабатывались уже после того, как семьи отбывали в ссылку; сюда добавлялись справка об «изъятии» семьи с перечислением тех, кого, собственно, отправили по этапу, и расписка оперативного сотрудника, проводившего «подъем семьи», о сдаче ее в эшелон. Затем «дела на выселение» дополнялись материалами периода ссылки, в первую очередь запросами об освобождении и реабилитации.

Более строгие требования стали предъявляться к эшелонным спискам ссыльных. В массовом порядке эшелонные списки начали оформлять при выселении немцев Поволжья, хотя появились они уже в начале 1930-х гг. Но если в отношении немцев они имели формат эвакуационных списков, то во время последующих выселений их назначение радикально изменилось. Эшелонные списки депортированных представляли собой посемейный перечень, сформированный в алфавитном порядке на глав семей либо по эшелону в целом, либо по отдельным вагонам. Оригиналы эшелонных списков сохранились в документации конвойных войск НКВД и в региональных отделах спецпоселений. Хотя следует заметить, что списки содержат минимум персональной информации (дата рождения (или возраст), место проживания до выселения, степень родства по отношению к главе семьи, в редких случаях – национальность или категория учета, иногда – особая информация периода этапирования). Важно то, что именно «эшелонная» статистика составляет основу «расселенческих» данных. Эшелонные/повагонные списки позволяли оптимизировать прием и учет прибывшего контингента. Списки передавались вместе с актами о приеме начальниками эшелонов региональным уполномоченным по приему. После сверки контингента в пунктах прибытия эшелонов спецпереселенцы передавались по актам в ведение райотделов МВД или отдельных комендатур.

Регионы вселения были определены Центром изначально, в значительной степени с учетом экономических интересов ведомств и регионов, и корректировались редко, но все-таки случался форс-мажор, когда часть контингента, уже находящегося на этапе, перенаправляли в другой

регион, обычно соседний. Имели место и случаи межреспубликанского перераспределения. Такой случай произошел в августе 1949 г., когда план расселения депортируемых из Молдавии был изменен в связи с тем, что южные области Казахстана оказались не готовы к приему и эту часть контингента перераспределили в регионы Сибири. Во время этапирования и постановки на спецучет в районные и поселковые спецкомендатуры в местах вселения контроль осуществлялся за счет многократной проверки «наличия» и «сверки» спецконтингента. В ходе регистрации сопоставлялись эшелонные списки с посемейными справками от МГБ и контингент распределялся между комендатурами.

Получить статистическую информацию, касающуюся численности и структуры депортированных, их распределения по территориям вселения в сочетании с социально-экономическими параметрами, позволяли переучеты. С 1942 г. такие переучеты стали ежегодными: в декабре 1942 г., в октябре 1943 г. и в августе 1944 г., что было обусловлено призывом в армию детей трудпоселенцев из числа «бывших кулаков» и последующим освобождением со спецпоселения членов семей военнослужащих, а также по причине новых массовых депортаций. В октябре 1945 г. учет взрослых спецпереселенцев был организован в связи с грядущими (февраль 1946 г.) выборами в Верховный совет СССР. Ежегодные учеты позволяли упорядочить и корректировать данные картотек, зафиксировать реальную численность спецпоселенцев, проконтролировать их движение в границах районов расселения, отслеживать ситуацию с побегами и трудоустройством. Помимо всего прочего, регулярный учет позволял оперативно реагировать на многочисленные запросы, поступающие от спецорганов. Тем не менее проведенная в 1948 г. комиссией МВД СССР масштабная проверка региональных УМВД на предмет ведения картотек показала, что сведения в учетные карточки вносятся эпизодически и несвоевременно, что ведет к «неполноте» данных [1, с. 114].

Ситуацию должен был исправить Всесоюзный переучет ссыльных, который провели в марте 1949 г. Основанием к осуществлению статистических мероприятий стали приказы МВД СССР № 067 «О проведении переучета выселенцев-спецпоселенцев» от 7 февраля 1949 г. и № 00165 «Об организации персонального учета по новой системе» от 19 февраля 1949 г. [4, л. 84–101 об]. Предполагалось, что перепись 1949 г. позволит, во-первых, ввести единую систему учета для всех категорий ссыльных, как высланных на сроки,

так и бессрочно, во-вторых, скорректировать данные об их численности и этническом составе, в-третьих, иметь данные по каждому спецпоселку. Отныне ссыльные делились на две большие категории – спецпоселенцы (выселенные на сроки и без указания срока) и выселенцы (выселенные навечно). Высланные по этническому принципу проходили как «выселенцы». Следует отметить, что именно «выселенцы» оказались под особым вниманием в ходе проведения учетно-статистических мероприятий. Первые данные были получены уже в марте, но итоговые – только к октябрю [1, с. 115]. В Сибири перепись была проведена в период с 20 февраля по 10 марта 1949 г. По итогам переписи была составлена централизованная всесоюзная картотека, включающая одну картотеку на спецпоселенцев и другую – на выселенцев, суммарно ее объем превышал 3 млн карточек, в том числе на 1,6 млн взрослых [1, с. 115].

Итогом переучета стала возможность скорректировать общую численность спецпоселенцев и выселенцев, с разбивкой на категории спецучета, уточнить численность высланных по регионам с разбивкой по половозрастному составу, гражданству, роду занятий, образованию. По итогам проведенного в СССР переучета на 1 октября 1949 г. в местах спецпоселений было расселено 2 618 968 спецпереселенцев и выселенцев. В Сибири их численность составила 863 445 чел., в том числе: Бурят-Монгольская АССР – 12 280 чел., Якутская АССР – 13 221, Алтайский край – 130 373, Красноярский край – 132 320, Иркутская область – 68 652, Кемеровская область – 164 252, Новосибирская область – 104 561, Омская область – 84 617, Томская область – 82 358, Тувинская автономная область – 424, Тюменская область – 61 475, Читинская область – 8 912 чел. [5, л. 404–409].

В ходе переписи был унифицирован учет всех категорий ссыльных. Система осталась многоуровневой. На уровне спецкомендатур первичный учет обеспечивали посемейные книги. Еще за год до переписи, согласно инструкции от 10 апреля 1948 г., спущенной Отделом спецпоселений МВД СССР, региональным отделам спецпоселений предписывалось «занести всех без исключения» в районные учетные книги с разделением на контингенты. В книгах учета отражались персональные данные (место проживания, работа/учеба) обо всех членах семьи, ближайших родственниках, в том числе тех, кто не попал под выселения или кто проживает отдельно (с целью поиска в случае побега). Запись семей производилась в строго алфавитном порядке, а вновь прибывшие и родившиеся в ссылке вносились в

конце соответствующего раздела книги (в зависимости от контингента) без соблюдения алфавита; фиксировалось также выбытие в другую комендатуру. С 1949 г. перемещения контингента между комендатурами начали оформляться отдельными актами. Добровольно прибывшие в ссылку в составе семей в книги не вписывались, хотя нередко на учет спецпоселения все-таки ставились. Делались отметки об отбытии на учебу и возвращении в место первоначального вселения.

В комендатурах персональный учет реализовывался благодаря фиксации бежавших, временно убывших и временно прибывших. Данные по семейному и персональному учету «выселенцев» сосредотачивались в отделах УМВД краев и областей, сформированные по стандартизированной форме 6 (подробная): дислокация, с разбивкой по комендатурам, населенным пунктам, категориям учета, количеству семей и общей численности, половозрастному составу, в виде картотеки специализированного персонального учета. Городским и районным отделам МВД также вменялась обязанность вести персональный учет ссыльных в усеченном формате по форме 5 (краткая).

В ходе переписи 1949 г. было проведено тотальное анкетирование взрослых «спецпоселенцев-выселенцев». К приказу МВД СССР № 00165 «Об организации персонального учета по новой системе» от 19 февраля 1949 г. прилагались подробные инструкции о проведении анкетирования. Опросник образца 1949 г. включал 21 вопрос, обновленный вариант опросных анкет из 17 пунктов был спущен весной 1953 г. Абсолютное большинство анкет было заполнено непосредственно при проведении переписи, но часть – «условно» и впоследствии заменено подлинниками. Введенный переписью порядок анкетирования сохранялся и в дальнейшем при постановке на учет всех вновь поступающих на спецпоселение.

Анкетирование позволило провести сверку данных анкет с учетными карточками, часть из которых была обновлена и дополнена. Регламент по ведению картотек был следующим. На каждое лица, прошедшее переучет, отделы (отделения) спецпоселений МВД–УМВД на основании анкет заполняли по три экземпляра учетных карточек формы № 5 и один экземпляр учетной карточки № 6, из которых учетные карточки форм № 5 и 6 в одном экземпляре направляли в 1-й спецотдел МВД СССР, по одному экземпляру учетной карточки формы № 5 направляли в соответствующие горрайотделы (отделения) МВД и один экземпляр учетной карточки формы № 5 оставляли у себя для организации картотеки персонального учета

[4, л. 93]. Вместе с тем сверка анкет на бывших кулаков практически повсеместно не проводилась. Выяснилось, что картотеки находятся в «запущенном состоянии» и далеко не всегда отражают движение этого контингента [1, с. 115].

Идентификационные персональные данные вписывались на основании паспортов или метрик. Хотя перепись была призвана максимально уточнить информацию персонального характера, при анкетировании имела место массовая русификация национальных имен и фамилий. В случае отсутствия документов записывалась национальность, указанная в списках спецкомендатуры. При отсутствии документов, подтверждающих статус, например иностранца, делалась запись, что заявитель является подданным такого-то государства, но документов не предоставил. На анкету прикреплялось фото, но нередко приводился и словесный портрет. При проведении анкетирования некоторые ссыльные не информировали переписчиков о наличии родственников и месте их проживания, пребывании в плену или за границей. Эти данные были вписаны на основании имеющейся документации, агентурных данных и показаний свидетелей.

Согласно инструкциям к приказу «Об организации персонального учета по новой системе» от 19 февраля 1949 г., порядок оформления и комплектации личных дел также обновился. Оформление и ведение личных дел поручалось городским и районным отделам МВД и региональным Отделам спецпоселений. Отныне все личные дела следовало хранить постоянно (до этого дела следовало хранить в течение 10 лет, находящихся в бегах – постоянно, одиночек и умерших в спецпоселках – 5 лет [2, с. 166]). Начиная с этого времени, краткая инструкция по оформлению дела стала помещаться на обороте типовой обложки к личному делу спецпоселенца. Теперь личные дела заводились на всех взрослых (старше 16 лет) ссыльных, а не только глав семей; к делу в обязательном порядке приобщались документы, обосновывающие «выселение и содержание на спецпоселении». В дело подшивались расписки об ознакомлении с режимом, установленные постановлением СНК СССР № 35 от 8 января 1945 г. и Указом Президиума Верховного Совета от 26 ноября 1948 г. В порядке хронологической последовательности в личное дело добавлялись постановления о наложении административных взысканий, материалы о привлечении к уголовной ответственности, заявления выселенца о происшедших изменениях в составе семьи и изменении места жительства.

Личные дела ссыльных, скорректированные с учетом новых требований, наглядно иллюстрируют повышенное внимание к вопросам надзора, что особенно заметно начиная с 1947 г. в циркулярах МВД, а вслед за ним и в решениях правительства «О выселенцах» от 24 ноября 1948 г. и Указе Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. Все эти документы наглядно свидетельствуют о том, что власть была крайне обеспокоена ростом числа случаев возвращения в места прежнего проживания этнических переселенцев, интерпретируемых как побег [6, с. 159]. Проверка режима реализовывалась через «явочную» систему. Как и прежде, коменданты вели журналы регистрации явок выселенцев, но помимо этого существовали «явочные» бланки (контрольные листы), которые содержали информацию о ежемесячных отметках на протяжении 1949 г. Контрольные листы образца 1949 г. представляют собой типовые бланки, отпечатанные типографским способом, содержащие установочную персональную информацию (Ф. И. О., адрес проживания ссыльного, информацию о сроках нахождения на спецпоселении, репрессивном решении), о месте и дате проведения ежемесячной регистрации и собственно таблицу, отражающую контрольные и фактические даты регистрации и автограф. Следует заметить, что контрольные листы в делах ссыльных за последующие годы присутствуют крайне эпизодически, а представленная в них информация не отличается полнотой. Вместо них стали заполняться листы ежемесячной регистрации, основанные на книге посемейного учета. Они также содержат персональную информацию (Ф. И. О., дата рождения, место проживания в ссылке, номер и дату выдачи удостоверения выселенца-спецпоселенца). Информация о датах регистрации представлена в табличной форме с указанием месяца, даты явки и подписи. Главное отличие состоит в том, что в регистрационном листе в обязательном порядке указывался контингент учета [7, с. 93, 100].

К делу прилагались и личные документы ссыльного (в том числе удостоверяющие личность, если таковые были), которые хранились в отдельном пакете. Тотальное анкетирование в феврале-марте 1949 г. многие спецпоселенцы связывали с надеждами на получение паспортов. Однако это было не так. Более того, по-прежнему паспорта у высланных изымались (у кого они были). Органы опасались подделок в паспортах (переклейка фотографий, оттиски о пропуске, о приеме и увольнении с работы), что гипотетически создавало возможности для владельца выехать с

места поселения. Практика изъятия документов шла вразрез с линией на постепенную паспортизацию спецпоселенцев. Приказ НКВД № 00183 от 26 февраля 1944 г. предписывал производить выдачу паспортов с отметкой о проживании в определенном районе области/края. Случалось, что при наступлении совершеннолетия спецпоселенца паспорт все-таки выдавался, но в них обязательно делалась отметка о проживании. Имела место и практика, когда в общегражданском паспорте в графе «особые отметки» ставился штамп или делалась запись: «разрешено проживание только в пределах такого-то района такой-то области/края». Лицам, не имевшим паспорта, районными и городскими отделами МВД выдавались справки, удостоверяющие личность спецпоселенца, с указанием места работы и района, в котором разрешено проживать. Справки-удостоверения этого периода представляют собой типовой документ, оформленный на бланке УМВД/УМГБ с фотографией, в который от руки вписаны персональные данные. Срок действия удостоверения обычно составлял календарный год [7, с. 96].

Одновременно с переписью в феврале-марте 1949 г. был проведен переучет всех спецкомендатур (предшествующий масштабный учет был проведен в феврале 1944 г.), следствием которого стало деление комендатур на районные и поселковые, а также на несколько категорий. Для районных устанавливались четыре категории, для поселковых – две. Согласно инструкции, спецкомендатуры образовывались в местах размещения спецпоселенцев, в круг их ответственности входило несколько населенных пунктов. Статус спецкомендатур и круг обязанностей комендантов узаконило положение СНК СССР № 34-14с от 8 января 1945 г. Увеличение числа комендатур и численности штата сотрудников внутренних дел, занятых обеспечением режима ссылки, напрямую было связано с притоком в тот или иной регион новых партий депортированных. На октябрь 1949 г. численность спецкомендатур в Сибири составляла 984 (примерно треть от общесоюзной численности), в том числе в Бурят-Монгольской АССР – 19, Якутской АССР – 34, Алтайском крае – 162, Красноярском крае – 180, Иркутской области – 97, Кемеровской области – 137, Новосибирской области – 113, Омской области – 92, Томской области – 118, Тувинской автономной области – 3, Тюменской области – 90, Читинской области – 22 [5, л. 429].

Тенденция к росту численности сотрудников районных и поселковых комендатур при сохранении численности аппаратов региональных отделов

наметилась с конца 1930-х гг. Согласно нормативам конца 1940-х гг., в среднем на одного сотрудника МВД «полагалось» 50 семей спецпереселенцев, в том числе на коменданта – около 500 взрослых спецпоселенцев, а на надзирателя – около 200 чел. Для оперативной работы в районных и городских отделениях внутренних дел выделялись штаты оперуполномоченных и их помощников: один на 2 тыс. взрослых спецпоселенцев. В Сибири в штате сотрудников МВД, занятых обеспечением режима спецпоселения, на октябрь 1949 г. числилось 4 028 чел. (40 % от общесоюзной численности), в том числе комендантов – 1 087, помощников коменданта – 854, надзирателей – 1 347, других сотрудников – 740 [5, л. 429–431]. Число сотрудников, занятых в обеспечении режима ссылки, составляло не менее 5 % от численности спецпоселенцев, что, конечно же, не позволяло реализовывать режим и осуществлять надзор исключительно сотрудниками силовых ведомств. Система контроля функционировала в значительной степени за счет «самонадзора», что в совокупности и обеспечивало достаточную его эффективность.

Переучет комендатур в 1949 г. был нацелен на «улучшение административного надзора за спецпоселенцами». Теперь на каждую районную и поселковую спецкомендатуру, которой присваивался определенный порядковый номер, заводилось лицевое дело, в котором фиксировалась ее дислокация, «перечень обслуживаемых поселений», численность и движение контингента; ежемесячно следовало делать отметки, отражающие «положительные и отрицательные факты работы комендатуры». Сотрудникам региональных отделов спец-

поселений рекомендовалось «не менее 50 % всего рабочего времени использовать для выездов в горрайотделы для оказания практической помощи» комендантам, а в целях повышения их квалификации периодически организовывать «кустовые семинары, на которых проводить глубокое изучение всех приказов и инструкций МВД СССР по работе среди выселенцев» [4, л. 2–4]. Все остальное время сотрудники ОСП УМВД должны были посвящать работе с учетными документами и подготовке отчетной документации для Центра.

В конце войны среди ссыльных возникли ожидания либерализации системы и даже освобождения, которым так и не суждено было сбыться. С одной стороны, имело место частичное упразднение крестьянской («кулацкой») ссылки, с другой – наметилась тенденция перевода всех административно-ссыльных на более жесткий режим спецпоселения, а высланных на сроки – в статус выселенцев, т. е. высланных «навечно». Намечавшаяся еще в годы войны тенденция к унификации спецссылки и нивелированию различий между ссыльными спецпоселенцами при сохранении деления депортированных на категории и подкатегории преимущественно по социальному и этническому признакам была реализована к концу десятилетия. Проведенная в 1949 г. «Всесоюзная перепись» ссыльных позволила провести учет всех категорий спецпоселенцев и унифицировать режим содержания и надзор. Государство не ставило под сомнение эффективность созданной им системы как механизма осуществления репрессий и использования ресурсов принудительно перемещенного населения.

Библиографический список

1. Игнатова Н. М. Архивные данные по всесоюзному переучету выселенцев и спецпоселенцев 1949 года // Историческая демография. 2018. № 1 (21). С. 114–136.
2. Игнатова Н. М. Особенности учета численности спецпереселенцев в Коми АССР в 1930–1950-е годы // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 35 (136). С. 42–52.
3. Сталинские депортации. 1928–1953. Россия XX век. Документы / сост. П. Полян и др. М., 2005. 904 с.
4. Архив МВД Грузии. Ф. 1. Д. 49–443. К. 69.
5. Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. 9479. Оп. 1сч. Д. 641.
6. Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005. 306 с.
7. 1949. gada 25. martā izvesto bāsis / Saleniece I., sast. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds «Saule», 2008. 400 lpp.